

Народное образование в контексте политической и общественной жизни императорской России

© 2010 г. А. А. ЛАРИОНОВ*

СТУДЕНЧЕСТВО В СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

Первые твердые шаги высшее образование в России сделало в эпоху петровских преобразований. Интенсивная подготовка велась в течение всего XVII в., особенно в конце столетия, когда в Москве появилось сразу несколько проектов создания высшей школы. Однако только школа Лихудов, открытая в 1685 г. в Богоявленском монастыре и переведенная в 1687 г. в Заиконоспасский монастырь, смогла стать воплощением университетской идеи в ее европейском доклассическом виде¹. Изучение истории Московской Славяно-греко-латинской академии началось еще в середине XIX в.² В настоящее время подробно выяснено происхождение проектов организации Московской академии в последней четверти XVII в., в значительной мере переосмыслена ее роль как первого в России высшего учебного заведения, большое внимание уделено идейным спорам конца XVII в. о направлениях развития высшего образования в России и со-поставлению устройства академии с ее европейскими прообразами, исследованию ее «университетского статуса»³. Однако для лучшего понимания истории отечественной высшей школы, единственной представительницей которой в начале XVIII в. вплоть до открытия в 1755 г. Московского университета оставалась Славяно-греко-латинская академия, необходимо рассмотрение не только ее организационных форм и преподавательского состава, но и студенческого контингента, в том числе выяснение социального происхождения студентов, их мотивации при обучении, судеб выпускников.

Любопытна судьба термина «студент», которым, согласно европейской университетской традиции, обозначались учащиеся высшей школы, в отличие от «учеников» средних школ. В 1711 г. при расследовании конфликта учащихся Академии с польским послом Шпрингером их официально именовали как учениками, так и студентами (дело «о исследовании побоев Спасского Училищного монастыря учеников Михаила Леврицкого с товарищи и о бывшем в оном же монастыре на резидента польского Шпрингера нападении и бое от префекта и студентов»)⁴, для сенатских чиновников эти понятия были взаимозаменяемы, хотя допрашиваемые поляки говорили только о «студентах»⁵. В 1721 г. в «Духовном регламенте», фактически воспроизведившем многие уже сложившиеся порядки Славяно-греко-латинской школы, учащиеся еще часто назывались «учениками», но посещающие высшие классы «философии и богословии» однозначно определяются как «студенты»⁶. Вступив в философский класс, студент должен был приносить присягу на верность царю, что было характерно для европейских университетов⁷.

Полный текст указа Петра I о предоставлении Академии привилегии неизвестен, однако ссылки на него были обнаружены исследователями. Одно из самых ранних косвенных упоминаний о нем содержится в донесении в Сенат прокуратора Академии

* Ларинов Алексей Александрович (иеродиакон Родион), кандидат богословия, помощник ректора Московской духовной академии, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

студента Ивана Свединецкого: «С прошлого 1701 году, по государеву указу, в славнешом граде Москве у Всемилостиваго Спаса у монастыря, что у Иконного ряду, велено быть, Славено-латинским школам и в таких школах велено учиться всяких чинов детям и неимущим чим питатся велено им (которые славенолатински учатся) давать Государево кормовое денежное жалование с Монастырского приказу»⁸.

Как и всякий европейский университет, Академия обладала так называемыми академическими свободами, в частности судебной автономией. Студенты не подлежали никакому суду, кроме суда протектора Академии патриаршего местоблюстителя митрополита Стефана (Яворского). Так, в августе 1703 г. двух учеников Софрана Арикова и Григория Уарова, отпущеных префектом иеромонахом Рафаилом (видимо, на каникулы) чуть было не записали в драгуны, но они обратились к митрополиту Стефану, и после его вмешательства были отправлены обратно в Академию⁹. Когда в 1711 г. студентов Академии на дворе польского резидента Шпрингера избили поляки¹⁰, пострадавшие, учитывая международный характер дела, подали челобитную в Сенат, и по его указу в Посольском приказе было начато расследование¹¹. Шпрингер пошел в Академию к ректору мириться, но после достаточно теплого приема у самого ректора на академическом дворе «префект с другими старцами и студенты, которых было человек с двадцать, нападши на него паки били и увечили дубьем, и бив замкнули его в особую келью, в которой он начевал»¹². Били, видимо, за дело, поскольку посол предпочел замять конфликт, несмотря на то что «под левым глазом подбито и синя, на лбу ободрано, правая нога в колене розбита и роспухла синя, да левая нога в шести местах бита знатно дубьем и синя ж»¹³. Виновных в нападении на студентов поляков после допроса было велено выслать из России¹⁴.

К «свободам» следует отнести и элементы студенческого самоуправления, которое, как оказывается, существовало в Академии, но только в 1715–1716 гг. Речь идет об институте прокураторов, которые избирались из студенческой среды и должны были отстаивать интересы учащихся. Как писал в Сенат в челобитной на имя царя о своих полномочиях прокуратор Иван Свединецкий, «понеже я есмь с Ваших Москвы града Славено-латинских школ с учеников обще на то избран всякие дела школьные и студентские управлять»¹⁵. Судя по донесениям, Свединецким были вскрыты многочисленные нарушения. Неудивительно, что вскоре прокурорство было упразднено, однако сам прецедент свидетельствует об университетском духе в Академии.

Скрытый конфликт митрополита Стефана с царем значительно уменьшил его влияние, что не могло не сказаться на Академии и ее свободах. Ректор Феофилакт (Лопатинский) сетовал, что «учеников по челобитью всяких чинов людей таскают в другие приказы и убытчат». Академическое руководство с трудом контролировало посещаемость занятий, и не только потому, что студенты не желали учиться. «В те вышеозначенные школы, – писал ректор, – приниманы были ученики, и из тех вышеписанных учеников в разных годах браны в разные ево, государевы, службы, а и ныне ученики такожде взяв ево, великого государя, жалование и не доучась в разных годах и ныне без ведома начальников отстают, и записываются в разные чины»¹⁶. С 1718 г. Академия оказалась в ведении Монастырского приказа, а с учреждением Святейшего Синода стала подведомственным ему учреждением¹⁷.

В начале XVIII в. состав студентов Академии был всесословным, но уже с 1729 г. прекратился набор учеников из крестьян и увеличился процент выходцев из духовенства, чиновников и разночинцев¹⁸. Это было следствием утилитарной государственной политики, которая, заботясь об образовании духовенства, на практике привела к постепенному вытеснению представителей других сословий из Академии. «Прошлых 1708 генваря 5 1710 годов ноября 11 чисел велено поповым, дьяконовым, пономаревым, дьячковым, сторожевым, просвирицким детям учится в греческой и латинской школах, – говорилось в переписке между Синодом и Сенатом, – а которые в тех школах учиться не похотят, и их в попы и во диаконы на отцовы места и никуда не посвящать и в подьячие и ни в какие чины, опричь солдатского чина, не принимать». Согласно указу 2 сентября 1723 г., «поповских и причетнических детей, которые в подушной оклад

будут не включены, и к школьному учению по местам их потребны набирать в школы всех тех, которые учить могут, а которые во учении быть не хотят, тех имать и неволею учить их к надежде лучаго священства, как Духовным регламентом определено». Ректоры Академии, жалуясь на значительное уменьшение числа студентов, доносили в Синод, «что по силе вышеписанных имянных указов во оную Академию священники, и диаконы, и причетники детей своих не отдают, а солдатских-де, помещиковых, и вотчинниковых, и крестьянских детей по указу из Синода принимать запрещено». Духовенство, «презирая оные имянные указы», часто отдавало своих детей «в разные коллегии и канцелярии в подъячий», поэтому Синод предписал, «чтоб оных церковнических детей отдавать в помянутую Академию, дабы оная не пришла в крайнее запустение... а в подъячие по калегиям и канцеляриям, также и в другие чины отнюдь не отдавать под лишением чинов своих и под беспощадным наказанием». С родителей при этом брали соответствующую подпись¹⁹.

1 сентября 1721 г. за подписью «протектора академий и типографий российских архимандрита Гавриила Ипацкого» последовал указ Синода ректору Московских школ архимандриту Спасскому Феофилакту, которому предписывалось во исполнение царского указа 28 августа 1721 г. всех детей московских священников, диаконов, дьячков и пономарей учить в «словенороссийских школах»²⁰. 6 июля 1727 г. этот указ был повторен, причем ректору надлежало обращаться за помощью в наборе в Духовную дикастерию²¹. 7 сентября 1727 г. Духовная дикастрия сообщала ректору, что будут посланы указы к старостам московских сороков и приходских церквей синодальной области с требованием детей духовного сословия насильно отсылать в Академию «без отговорок»²². Однако все эти усилия не дали результата, дети духовных лиц не стремились в Академию, зачисленные часто бежали.

29 сентября 1742 г. указом Синода была определена четкая процедура набора студентов из духовного сословия (7 лет и старше) и контроля за их обучением. С помощью сороковых старост составлялись списки годных к обучению, которые направлялись в Академию. Родители письменно обязывались «детей своих в школьном в Академии учении обретающихся от того обучения ни под каким видом не отлучать» (тех, кто не давал расписки, штрафовали). За укрывательство учащихся родителей предписывалось лишать мест. Академию Синод обязал регулярно проверять и докладывать, продолжают ли студенты обучение. Духовная дикастрия разыскивала «отлучившихся», отсыпала обратно в Академию, а после проведения расследования, не виновны ли в отлучке родители, делался доклад в Синод²³. Конечно, бывало немало случаев, когда родители добровольно отдавали своих детей для обучения в Академию, но после указа 1742 г. и они должны были давать письменные обязательства. Так, 19 ноября 1744 г. «по доношению церкви священномуучеников Клиmenta, папа Римского, и Петра Александрийского, что в Ордынке, предельного священника Артемия Трофимова о определении сына его двенадцатилетнего Луку, желающаго для обучения в московскую Славено-греколатинскую академию», Московская духовная консистория велела «онаго священникова сына Луку обязать в Консистории подпискою, чтоб он был от школы неотлучен для обучения, отослать к тебе, архимандриту Порфирию, при указе, которой Лука, та-кох и отец его священник Артемей, в консистории о неотлучном его, Луки, для учения в Академии пребывании под подписками под страхом священнику Артемию лишения священства, а сыне ево Луке отсылке в солдатскую службу и обязаны и оной Лука при сем к вам архимандриту послан, а в бытность ево в той Академии производить ему жалование против прочих учеников»²⁴. В итоге, в середине XVIII в. ситуацию удалось переломить, а ко времени реформ митрополита Платона (Левшина) студенты из духовного сословия составляли в Академии подавляющее большинство²⁵.

Государство нуждалось в образованных служащих, и Академия обслуживала довольно широкий круг государственных потребностей. Ее выпускники и даже не закончившие курс студенты находили применение своим знаниям в различных сферах российской жизни. Наиболее же способные молодые люди оставались преподавать. Несмотря на всесословность и светскость (как она тогда понималась), школа готовила

кадры и для Церкви, значительное число ее питомцев распределялось в епархиальные ведомства. И хотя монахов среди студентов было немного, в их числе встречались личности неординарные, например Даниил Сеченов, впоследствии архиепископ Новгородский Димитрий²⁶. Известны случаи, когда в Академию направляли для обучения монахов из различных епархий. Так, 30 января 1724 г. Московская контора синодального правления определила по донесению епископа Рязанского и Муромского Сильвестра в Академию «из Рязанской епархии в Славено-латинские школы в ученики молодых монахов Рязанской епархии Солотчинского монастыря иеродиаконов Анофрея и Аверкия, монаха Иринея, из Радовицкого монастыря монахов Иосифа Храповского и Иосифа Таразана, из Троицкого, что усть реки Павловой, иеродиакона Ефрема»²⁷. 11 июля 1724 г. канцелярия Духовной дикастерии определила в ученики Славяно-латинской школы молодых монахов Воронежской епархии клирошанина Иоакима и пономаря Иосафа²⁸, а 26 января 1725 г. по указу Синода из московского Златоустова монастыря архимандритом Антонием направлены в Академию на учение молодые монахи иеродиакон Иосаф (20 лет), иеродиакон Павел (21 год), иеродиакон Маркелл (28 лет). В связи с послушанием всем иеродиаконам разрешено было жить в Златоустовом монастыре и нести там свое служение²⁹. Следует также отметить случаи «приходящих собою» в Академию молодых монахов, просивших зачисления. Ректор Академии архимандрит Гедеон (Вишневский) специально запрашивал по этому случаю Синод и получил разрешение обучать их³⁰. Некоторые обучающиеся по разным причинам возвращались обратно, не закончив полного курса. Так, 7 сентября 1726 г. в Тобольск из Академии был выслан иеродиакон Смаагд «за неспособностию, за возрастом и за головною болезнью»³¹.

Академия была своего рода «международным» учреждением, поскольку в ней учились и студенты из других государств. Студенты-иностранцы обладали полнотой академических прав, если принимали присягу на верность российскому императору. На вопрос префекта иеромонаха Гедеона (Грембецкого) «еще же которые с иноземцами приходят в помянутые школы, принимать ли их и как их крепить» Синод 16 ноября 1721 г. отвечал: «Приходящим иноземцам в Славено-латинские школы, которые желают быть в науке, и таковых, ежели они в службу его императорского Величества присягу учинят вечно, принимать и трактамент давать против русских... а ежели присяги в службу его Величества вечно не учинят, таковым учиться не возбранять, точию им трактамента не давать»³².

В середине 1720-х гг. оформилась практика медицинского обслуживания преподавателей и студентов на постоянной основе в Московском госпитале за «лазаретные деньги». Сумма формировалась «с каждого рубля жалования по копейке» и отправлялась в «Московскую гоффпиталь», являясь своего рода медицинской страховкой для преподавательской и студенческой корпорации. В разное время на лечение были отправлены учитель Иван Папин (19 мая 1727 г.), студент Алексей Левицкий (17 января 1747 г.), ученики Василий Смирнов (16 декабря 1727 г.), Гребещиков (5 августа 1728 г.), Игрунович (11 октября 1737 г.), Семион Алексеев (18 ноября 1738 г.), Василий Хлопков (15 января 1740 г.), Матвей Гладков (19 января 1743 г.), Гавриил Челепов (2 августа 1744 г.), Иван Вербицкий (7 декабря 1744 г.), Николай Федотов (7 апреля 1747 г.)³³.

Как отмечалось, Славяно-греко-латинская академия положила начало систематическому высшему образованию духовенства. Синод способствовал назначению ее выпускников на приходы. Так, 24 мая 1721 г. в его указе говорилось: «Славена-латинска диалекта школ учеников, имущих жен и достигших в меру определенных святыми правилах лет, которые по совершенном всех школьных наук поучении, хотя о них и от приходских людей члобитья не будет... по свидетельству письменному за рукою от ректора... Лопатинского с прочими учительми и по их учеников письменным за руками присяжным сказкам, о достоинстве их ко служению, оных школьников святей Церкви рукополагать, не взирая на приходских людей»³⁴. Как писал в своем донесении Синоду ректор архимандрит Феофилакт (Лопатинский), «в... 1718 году дан его царского пресветлаго величества имянной указ... Греков-славено-латынских московских школ

учеников на то годных производить в священнический и диаконский чин к церквам соборным и приходским знаменитшым на упалыя священническая и диаконская места, и местам таковым не быть продажным... и отдавать новопосвященным школьником безденежно»³⁵. Однако чрезвычайно трудно было преодолеть нежелание прихожан видеть своими пастырями незнакомых, пусть и образованных людей: «Обычай преждний о наследии церквей, продажею и куплею стяжаемом, неразсмотрительне введенный, и непокорство прихожан, которыи по сродству, знаемости и по своим прихотям избирают себе священников и диаконов, и мест священнических и диаконских нарочно не хотят окупати из церковных денег, будто нет таковых денег»³⁶.

Студенты получали церковные места «великою трудностию, волокитою и иждивением» и «доселе во всегдашнем опасении отказу и перемены от своих мест пребывают неизвестны», вследствие чего многие из них «не смеют бить челом на вышеозначенные места, чтоб им не вдать себе в лишний трудности и бедства»³⁷. 2 июня 1721 г., последовало синодальное определение о посвящении на вакантные священнические места в московские главные церкви именно «школьников славяно-латинского диалекта»³⁸.

16 февраля 1725 г. Синод предписал ученика школы философии Ивана Волкова, «ежели освященного чина достоин», рукоположить в диакона и Духовной дикастерии определить на место по своему усмотрению³⁹. 22 июня 1730 г. на место скончавшегося протоиерея Симеона Ярмерковского Синод направил «учившагося в Московской Славено-греко-латинской академии Николая Ростовецкаго, который по свидетельству Святейшего Синода явился онаго звания достоин» «для посвящения к рижской соборной церкви в протопресвитера к его преосвященству, которой его преосвященством в протопресвитера произведену, ноября 1 дня в Ригу отправлен». Жалованье было определено «тож число и из тех же доходов из которых получал оной умерший протопоп Ярмерковский», «о чём в Рижскую губернию к генералу господину Лессии и указ из Святейшего Синода того ж июня 25 дня послан»⁴⁰. Однако по прибытии Ростовецкий обнаружил, что «оной генерал не точию протчаго, а именно рационов на лошадей, но и определенного жалования, котораго антецессор его по четыреста рублей на каждый год получал, не дает, а определяет в дачу только сто пятьдесят рублей, отговаривался тем якобы, так во учиненном из Правительствующего Сената штате определено», в связи с чем отправил донесение в Синод, «понеже он, протопоп, отправляет две должности, как и антецессор ево отправлял, а именно: обер-иеромонашескую и протопрезвитерскую, и без полнаго-де жалования, и без рационной дачи с таким вышеозначенным умалением трактамента вышереченных должностей никак исправить ему невозможно, и дабы о определении ему, протопопу Николаю Ростовецкому, полнаго трактамента и протчаго, что получал антецессор Ярмерковский, решение учинить»⁴¹. Синод был обескуражен, и после долгих обсуждений и переписки с Сенатом в декабре 1731 г. последовало сенатское обращение к императрице с просьбой о разрешении вопроса⁴². 8 марта 1732 г. Анна Иоанновна повелела: «Оному протопопу давать по четыреста рублей и впредь определять из ученых с свидетельства Синодского которым жалование производить по тому же окладу»⁴³. Об этом Сенат уведомил Синод и послал указы в Штатс-контору и Рижскую губернию⁴⁴. Проблема распределения выпускников на приходские места после рукоположения постепенно была разрешена лишь в середине XVIII в. Известно, например, что 11 декабря 1742 г. Синод определил «окончавшаго богословское учение ученика Николая Протопопова по прошению ево в московский Успенский Большой собор, произвестъ во священника, которой и произведении для священного служения во оной Успенский собор при укаze отправлен»⁴⁵.

Значительной проблемой были постоянные побеги учеников. Префект Академии иеромонах Гедеон (Грембецкий) 30 октября 1721 г. просил у Синода особого распоряжения о возвращении властями беглых обратно, однако не получил ответа⁴⁶. 28 марта 1728 г. Коллегия экономии писала в Академию о двух сбежавших учениках. Оказалось, что один из них, Григорий Лунин, сын солдата лейб-гвардии Семеновского полка, был определен на место своего отца. Полковая канцелярия это подтвердила, и ему было разрешено продолжить службу. Второй, Илья Бовыкин, сын купеческого человека из

Ярославля, «отстал от школы за животною болезню». Его было предписано вернуть в Академию, а если не сможет учиться – отослать в московскую ратушу⁴⁷. Наряду с этим известны случаи вполне официальных отъездов студентов из Академии. Так, 4 октября 1726 г. московская синодальная канцелярия распорядилась выдать паспорт ученику Александру Зубову для поездки в Санкт-Петербург по своим нуждам⁴⁸. Различные ведомства часто обращались в Академию с просьбой удостоверить факт обучения в ней того или иного человека. Так, известны обращения Монастырского приказа⁴⁹, «канторы свидетельства мужеска полу душ»⁵⁰. 3 декабря 1743 г. Духовная дикастерия запрашивала Академию о студенте Михаиле Николаеве, который просил об определении в это ведомство⁵¹.

Особую роль играли студенты Славяно-греко-латинской академии в учебных заведениях Петербурга и в частности в гимназии при Академии наук. Еще Петр I подумывал о вызове некоторых из них в Петербург для обучения, однако первая успешная поездка академических учеников в петербургскую Академию состоялась только в 1735 г. В 1720 г. из Сената за подписью графа И.А. Мусина-Пушкина ректору архимандриту Феофилакту было доставлено донесение, в котором упоминалось о том, что в 1713 г. в Санкт-Петербург был послан «во Академическую школу в учение присланный в Адмиралтейство ученик СГЛА Иван Тараканов с товарищи». Учеников из Московской академии присыпали и в 1714–1715 гг., однако всех, кроме Тараканова, отправили обратно доучиваться (в 1720 г. из-за болезни отправили обратно и Тараканова)⁵². В 1747 г. в новоизданном регламенте Академии наук было указано непременно выписывать учеников из Московской академии⁵³.

Многие студенты поступали в Московский госпиталь часто даже против воли академического начальства. Это было несложно, поскольку у ректора не хватало сил следить за сбежавшими, а наставник госпиталя доктор Н. Бидло нуждался в помощниках, знающих латинский язык⁵⁴. В феврале 1722 г. между ним и Академией началась настоящая «война» за студентов. В связи с участвовавшимися переходами учеников префект иеромонах Гедеон (Грембецкий) просил Синод о защите, «и буде помянутому дохтору таковыи умысл хитрый указом его императорского величества из Святейшего Правительствующего Синода не заградится, то весьма школам Славено-латинским быть в разорении, якоже и прежде бывало, покамест ему, Быдлову, указом его императорского величества не запрещено было». В противном случае, из Академии «некого будет дать в потребные случаи, аще дохтур Быдло что не лучших самовластно будет избирать и к себе принимать»⁵⁵. Спор, однако, был решен не в пользу префекта. В апреле 1722 г. он получил из Синода за подписью протектора Бужинского распоряжение о присылке «в анатомию по требованию доктора Николая Быдлы» 15 студентов по реестру и еще 5 учеников⁵⁶. В итоге, были отправлены 19 человек, которые лично расписались под соответствующим указом (некоторые по латыни: «aidovi et manum apposui» – слышал и руку приложил): Кирилл Скалеронский, Theodorus Cognar, Detru Btytishi, Андрей Чермной, Иван Губостов, Василий Ушманов, Иоанн Дуков, Спиридон Калгин, Александр Ростовицкий, Стефан Лопатин, Демонти Филинов, Иван Черногорусский, Севастиан Семенов, Ларион Пилаев, Иван Киреев, Таврило Краснопольский, Дмитрий Голохвастов, Николай Замятнин, Игнатий Понетовский⁵⁷. Всего в 1719–1722 гг. из Академии в «гофшпиталь» забрали 108 человек⁵⁸. 27 марта 1727 г. Синод, ссылаясь на прежний петровский указ, согласно которому следовало «учеников в лекари брать из Славено-латинских школ», вновь велел ректору удовлетворить запрос доктора Бидло и передать ему 20 студентов из Академии, «понеже имеет зачаться новый курс и дабы при начатии его докторского анатомического курса за неприсылкою их остановки не учинилось» (18 апреля московская контора Синода повторила указ и предписала прислать список отправленных на обучение в «гофшпиталь» студентов)⁵⁹.

Студенты и выпускники Академии поступали и в другие ведомства⁶⁰. Любопытен эпизод с поступлением на службу студента класса риторики Алексея Протопопова. Он обратился с челобитной, «чтоб ему быть государственной Коллегии иностранных дел в канторе копиистом». 6 июня 1741 г. коллегия запросила Академию, «в учении имелся ль

и от той Академии свободен ли и не обязан ли какими делами»⁶¹. В ответной справке личность студента была удостоверена, но отмечалось, что «от той Академии может ли быть свободен, о том крайней требовать резолюции из Московской Синодального управления Канцелярии, и от Коллегии Экономии, понеже Академия сама по собою несильна кого уволить, делами же никакими не обязан, кроме учения»⁶².

Бурная эпоха петровских преобразований в России сопровождалась заимствованиями во многих областях знаний. Сам царь давал Академии поручения перевести тот или иной труд. Эти задания часто выполняли способные и талантливые студенты. В 1716 г. «для перевода книг» группа студентов была отправлена в Прагу. Первоначально предполагалось направить туда студентов Ивана Воейкова и Ивана Ильинского вместе с подьячими Монастырского приказа Михаилом Инкиным и Алексеем Ковровым⁶³. Поскольку Ильинский находился у Волошского господаря кн. Д. Кантемира, стольник Монастырского приказа Ю. Шишкин по получении указа из Сената отправил «в Севской уезд в Комарецкие волости» драгуна, однако тот вместо студента привез письмо Кантемира с пространным отказом⁶⁴. Монастырский приказ выступил против отъезда Инкина и Коврова, которых было некем заменить⁶⁵. В результате в Прагу направили префекта Академии монаха Феофила (Кролика) «да с ним из школьников одного человека, которого он, префект, потребует»⁶⁶. 28 сентября Сенат приказал о. Феофилу и Воейкову «и при них двум служителем для проезду до Праги дать из Посольской канцелярии пашпорт» и 15 руб. 30 коп. прогонных денег, что в тот же день было исполнено⁶⁷. Одним из этих «служителей» был студент Академии Максим Суворов⁶⁸. О. Феофил перевел с немецкого половину «Исторического универсального дикционера» Буддея (2 из 4 томов, которые он представил на рассмотрение Синода, возвратившись в Петербург к лету 1721 г.)⁶⁹. Воейков в 1717 г. по приказу царя был направлен во Франкфурт в иезуитскую коллегию для изучения философии и словесных наук. Там помимо обучения он также занимался переводами, за что был награжден царем 100 червонцами⁷⁰. Тяжелые труды, похоже, подорвали его здоровье, и, вернувшись в Прагу, Воейков скончался. Тем не менее его переводы (192 тетради «Вещественные состояния ведомостей и обходительства, лексикон автора Гибнера» на немецком языке и в переводе, а также другой лексикон того же автора «Любопытныя натуры художества, рудокопания и куничества» только на немецком языке) не пропали и в июле 1721 г. были доставлены в Синод Суворовым, после чего их передали на хранение в Синодальную типографию⁷¹. Суворов привез и собственные переводы, и 23 августа 1721 г. был определен старшим спрвщиком и переводчиком синодальной Типографской конторы с вполне солидным годовым «трактаментом» в 300 руб.⁷² В конце 1721 г. он значился единственным штатным переводчиком Синода и выполнял курьерские поручения по делам Типографской конторы⁷³.

Известны случаи, когда заграничные командировки студентов носили учебный характер. Ломоносов не был ни первым, ни единственным из выпускников Академии, кто ездил учиться за границу. В первой половине XVIII в. студенты Академии совершали «ученые» поездки во Франкфурт, в Амстердам, Париж, Гётtingен, в Персию и Швецию⁷⁴. Так, в 1717 г. по Высочайшему указу были направлены в Прагу «для окончания наук» студент Василий Козловский с товарищами. В 1720 г. после нового царского указа и завершения курса «либеральных наук» Козловский вернулся в Санкт-Петербург, где 31 августа 1721 г. был освобожден Синодом и отправлен в Типографскую контору. Там он трудился над переводом с латинского языка на русский «Церковной истории» Сократа. Вскоре по его ходатайству ему было назначено жалованье, равное содержанию подканцеляриста второй статьи, как у его товарища по Праге Анохина (50 руб. и 15 юфтей хлеба)⁷⁵. 29 сентября 1724 г. Козловский, уже в качестве переводчика Синода, участвовал в допросе французского пастора Дунанта⁷⁶.

18 декабря 1716 г. царь писал И.А. Мусину-Пушкину из Амстердама: «По получении сего выберите немедленно из Латинской школы лучших робят, высмотря гораздо, которые поостряя человек десять и пришлите морем на шнаве, которую будет отпускать генерал фельт-маршал и губернатор князь Меншиков»⁷⁷. Сенат, исполняя приказ, при-

казал ректору прислать кандидатов⁷⁸. В Петербург отправились «Иван Семенов сын Горлицкий, Иосиф Матвеев сын Крачетовский, Тарас Петров сын Постников, Иван Иванов сын Каргопольский, Гурий Андреев сын Соболев, Василий Тимофеев сын Козловский, Филипп Лвов сын Анахин, Ермолай Константинов сын Крайцев, Иван Прокофьев сын Алагин, Даниил Корнильев сын Овсянников». 17 марта 1717 г. Сенат «приказал Славено-латинских школ Ивану Горлицкому с товарищи десяти человеком» отправиться в Амстердам⁷⁹. Часть этих учеников обучались затем в Амстердаме, другие были отправлены в Париж. Горлицкий впоследствии стал адъюнкт-профессором Академии наук, Каргопольский – учителем Московской академии и переводчиком при Святейшем Синоде, Постников – также учителем Академии и директором Московской синодальной типографии⁸⁰. Позже «парижским студентам Ивану Каргопольскому и Тарасу Постникову» было предложено «переводить книгу Феодорита епископа Кирского, о Промысле Божии». Т. Постников «доношением просил, чтоб ево уволить на Воронеж для учения генерала-лейтенанта господина Чернышева детей ево французскому языку и дать пашпорт до указу». Московская контора Синода постановила выдать паспорт (что и было сделано), а книги, которые Т. Постников переводил, приказывалось освидетельствовать архимандриту Гедеону, и «какие потребные для перевода книги тому нужны отдать с распиской»⁸¹.

Студенты Академии были востребованы на государственной, в частности на дипломатической службе. 18 января 1716 г. Сенат по донесению графа Головкина велел «из Латинских школ выбрав из учеников робят добрых молодых пять человек таких, которые по меньшей мере грамматику выучили, для посылки в Персию при посланнике господине Волынском для учения языком турецкому, арабскому и персидскому и, выбрав, отдать их в Посольской приказ и о том в Монастырской приказ послать указ а в Посольскую канцелярию ведение»⁸². «По доношению Коллегии иностранных дел велено Вам той Академии из студентов, дошедших до риторики, выбрав состояния добро, представить с надлежащим засвидетельствованием Святейшему Синоду при доношении немедленно», – писали ректору архимандриту Порфирию (Крайскому) из Синода 5 декабря 1742 г.⁸³

Многие выдающиеся ученики Академии отправлялись в заграничные миссии для апостольского служения. Петр I, как свидетельствуют источники, был заинтересован в развитии отношений с Китаем. Во время его царствования была основана Пекинская духовная миссия, главой которой был определен префект Московской академии и будущий святитель Иннокентий (Кульчицкий). Однако он не смог достичь пункта назначения. Чуть позже в Китай был назначен посланником граф С.В. Рагузинский, с которым в 1725 г. по сообщению протектора архимандрита Гавриила (Бужинского) отправили студентов Академии «Луку Войкова да Ивана Шестопалова, он же и Яблонцов, которым как на подъем так и в бытность их в Китайском государстве годовое жалование определить из Коллегии иностранных дел»⁸⁴. Пекинская миссия не пустовала и в дальнейшем: в течение XVIII в. туда постоянно посыпались выпускники Академии⁸⁵. В 1733 г. была открыта Камчатская духовная миссия, куда направили миссионером архимандрита Варфоломея (Филевского). С ним поехали иеромонах Заиконоспасского монастыря Александр и 12 академических студентов⁸⁶. Именно эта миссия сделала знаменитым студента Академии С.П. Крашенинникова, будущего знаменитого естествоиспытателя и исследователя, читавшего лекции в Академии наук⁸⁷.

Случались и курьезные инциденты. В 1724 г. был членом ученик инфимы «Сергей Бурлаков сын Иванов» о переводе его в Типографию «за тупостию ума»: «Слушав того его членить архимандрит и ректор Гедеон с товарищи приговорили: освидетельствовать его подлинно и буде не за леностию и своевольствием, но за тупостью ума не может произыти в данное учение, отослать ево в Типографию». Испытания подтвердили, что он неспособен к учению «явился не за леностью, но за тупостью»⁸⁸. Такие ученики встречались достаточно часто, и 31 августа 1727 г. Синод приказал ректору «тупых и неспособных и нежелающих священства от школ отрешить и отправить для определения в контору высокого Сената»⁸⁹.

Все эти факты из жизни студенчества Славяно-греко-латинской академии первой половины XVIII в. свидетельствуют о высокой роли Академии и ее питомцев в церковной, общественной и государственной жизни России. Выпускники и студенты в ряде случаев имели отношение к важнейшим проектам, позволявшим России поддерживать свой международный имперский статус. Заметно было влияние европейских университетских идей как на организацию самого учебного процесса, так и на формирование студенческой среды: характерным является опыт студенческого самоуправления и наложенного медицинского обслуживания. Задумывавшаяся как всесословный университет, Академия выполняла эту функцию на протяжении всей первой половины XVIII в., однако в силу утилитарной политики государства и в связи с учреждением Московского университета она постепенно стала высшей школой лишь для духовного сословия.

Примечания

¹ Термин «доклассический университет» применяется к средневековым ученым корпорациям, статус которых был закреплен определенными правовыми актами (привилегиями, дарованными императором или папой). О современной периодизации истории европейских университетов и содержании понятия «доклассический университет» подробнее см.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 10–11, 52–65.

² Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855.

³ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001; Андреев А.Ю. Начало университетского образования в России: точки зрения российской и зарубежной историографии // Отечественная история. 2008. № 4. С. 157–169; Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009; Ларионов А.А. «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской академии (XVIII – начало XIX века) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2010. № 4 (в печати).

⁴ РГАДА, ф. 158, оп. 2, д. 97 а, л. 1.

⁵ Там же, л. 5, 7 об.

⁶ Духовный регламент. М., 1897. С. 50, 57.

⁷ Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 224.

⁸ РГАДА, ф. 248, оп. 2, кн. 17, д. 30, л. 532.

⁹ Там же, ф. 210, вязка 33, д. 86, л. 1.

¹⁰ Там же, ф. 158, оп. 2, № 97 а.

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Там же, л. 7 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 11–12.

¹⁵ Там же, ф. 248, оп. 2, кн. 17, д. 30, л. 536.

¹⁶ Там же, оп. 9, кн. 530, л. 170.

¹⁷ Там же, оп. 14, кн. 764, д. 16, л. 286; ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 6. № 3742. С. 358.

¹⁸ Рогов А.И. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3. С. 140–147; Вознесенская Ц.А. Московская Славяно-греко-латинская академия в первой трети XVIII века // Россия и христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 519–520.

¹⁹ РГАДА. ф. 248, оп. 14, кн. 781, л. 626–628.

²⁰ Там же, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 16–16 об.

²¹ Там же, л. 190–190 об.

²² Там же, л. 204–205.

²³ Там же, д. 332, л. 56–57.

²⁴ Там же, л. 244.

²⁵ ЦИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 3080, л. 7–71 об.

²⁶ Вознесенская И.А. Указ. соч. С. 522.

²⁷ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 51–51 об.

²⁸ Там же, л. 62–62 об.

²⁹ Там же, л. 84–84 об.

³⁰ Там же, л. 188–188 об.

³¹ Там же, л. 159–159 об.

³² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (далее – ПСПР). Т. I. СПб., 1879. № 305. С. 358–359. Соответствующий указ на имя ректора был получен 22 ноября 1721 г. (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 24–24 об.).

³³ РГАДА, ф. 390, оп. 1, ч. 1, д. 34, л. 1; д. 123, л. 1, д. 200, л. 1–2, д. 1248, л. 1–2; д. 1363, л. 1; д. 3744, л. 1; ч. 2, д. 6901, л. 1; д. 8924, л. 1; д. 9288, л. 1; д. 11430, л. 1–2; д. 11745, л. 1–2.

³⁴ ПСПР. № 139. С. 190.

³⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода (далее – ОДДС). Т. 1. СПб., 1868. Приложение XXX. Ст. СССХIV–СССХV.

³⁶ Там же. Ст. СССХV.

³⁷ Там же.

³⁸ ОДДС. Т. 1. № 288. Ст. 326.

³⁹ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 85–85 об.

⁴⁰ Там же, ф. 248, оп. 14, кн. 781, № 18, л. 243.

⁴¹ Там же, л. 243 об.

⁴² Там же, л. 249–250.

⁴³ Там же, л. 250.

⁴⁴ Там же, л. 250 об.–251.

⁴⁵ Там же, ф. 1189, оп. 1, д. 332, л. 87.

⁴⁶ ОДДС. Т. 1. № 628. Ст. 676–677.

⁴⁷ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 222–222 об.

⁴⁸ Там же, л. 162.

⁴⁹ Там же, л. 46.

⁵⁰ Там же, л. 48–49, 52–55, 57–59, 63, 67 об.–68, 70–72, 74–74 об., 80–80 об., 98–98 об., 111–111 об., 117–119, 121–122, 126–126 об., 145–146.

⁵¹ Там же, д. 332, л. 143.

⁵² Там же, д. 1, л. 1–2.

⁵³ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 237–238.

⁵⁴ Там же. С. 239–240.

⁵⁵ ОДДС. Т. 1. № 628. Ст. 677.

⁵⁶ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 30–30 об.

⁵⁷ Там же, л. 31–31 об.

⁵⁸ ОДДС. Т. 1. № 628. Ст. 678. Кроме того, еще 26 июля 1720 г. Сенат велел ректору Академии «по доношению архидиакона и президента Блюментроста направить в Адмиралтейскую аптеку двух учеников из нижних чинов, которые бы умели писать, читать и говорить по-латыни» (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 3–3 об.).

⁵⁹ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 174–175, 183–183 об.

⁶⁰ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 241–244. В частности, целая история связана с зачислением нескольких студентов в московскую математическую школу Л. Магницкого (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 125–125 об., 131–131 об., 156–156 об.).

⁶¹ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 332, л. 7.

⁶² Там же, л. 7 об.

⁶³ Там же, ф. 248, оп. 9, кн. 530, л. 107. Описывавший эту командировку Смирнов ошибочно полагал, что все они поехали в Прагу (Смирнов С.К. Указ. соч. С. 235).

⁶⁴ Об этом 18 июня 1716 г. Ю. Шишгин и доложил в Сенат (РГАДА, ф. 248, оп. 9, кн. 530, л. 109а, 110–111).

⁶⁵ Там же, л. 114.

⁶⁶ Там же, л. 115.

⁶⁷ Там же, л. 119–121, 123–123 об.

⁶⁸ ОДДС. Т. 1. № 467. Ст. 544.

⁶⁹ Там же. № 647. Ст. 698–700.

⁷⁰ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 235.

⁷¹ ОДДС. Т. 1. № 318. Ст. 353–354.

⁷² Там же. № 467. Ст. 544.

⁷³ Там же. № 665. Ст. 709–710, примеч. № 730. Ст. 747.

⁷⁴ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 235–237.

⁷⁵ В ноябре Анохин получил повышение, став подканцеляристом первой статьи, и Козловский просил Синод уравнять его с товарищем, что было осуществлено 10 декабря 1721 г. (ОДДС. Т. 1. № 496. Ст. 563–564).

⁷⁶ Там же. № 240. Ст. 325.

⁷⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 7, кн. 732, л. 488.

⁷⁸ Там же, л. 489.

⁷⁹ Там же, л. 492 об., 494.

⁸⁰ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 236.

⁸¹ Об этом известно из указа Синода ректору 16 апреля 1725 г. (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 101–101 об.).

⁸² Там же, ф. 248, оп. 9, кн. 516, л. 13.

⁸³ Там же, л. 86.

⁸⁴ Соответствующий указ в Академии был получен 20 октября, о готовности оттуда доложили 26 октября, а 4 ноября ученики уже выехали «при промемории» (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 102–102 об.).

⁸⁵ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 231–232.

⁸⁶ Там же. С. 232.

⁸⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 15, кн. 839, л. 1827; Зубов Ю.Т. Историография естественных наук в России (XVIII – первая половина XIX века). М., 1956. С. 30–31.

⁸⁸ РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 1, л. 82–82 об.

⁸⁹ Там же, л. 198. 13 декабря 1727г. Синод повторил указ и снова велел отправлять таких учеников в московскую сенатскую контору «и ежели по отсылке кого принимать не будут тогда в Святейший Синод рапортовать» (Там же, л. 215).

© 2010 г. А. Ю. АНДРЕЕВ*

Ф.-С. ЛАГАРП И РАЗРАБОТКА РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Реформа народного образования, по общему признанию, относится к числу ключевых либеральных преобразований Александра I. В ходе ее в 1802 г. в России появилось Министерство народного просвещения, в котором в свою очередь была разработана иерархическая система образования, остававшаяся в общих чертах неизменной до революции 1917 г. и объединявшая последовательные ступени обучения – от начальных и средних школ до университетов. Вся дореволюционная образовательная традиция основывалась на принципахalexандровской реформы. В то же время, как подчеркивают историки, ее реализация затянулась по меньшей мере на полвека и потребовала корректировки и дальнейших преобразований, что явилось следствием идеалистического характера данной системы, не учитывавшей те условия, в которых ее нужно было воплощать¹.

Непосредственное и активное участие в разработке реформы народного образования принимал бывший наставник наследника престола швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп (1754–1838)², в 1784–1795 гг. преподававший вел. кн. Александру Павловичу широкий круг предметов и во многом сформировавший его мировоззрение. Собственно, Лагарп и был одним из вдохновителей этой реформы, поскольку в период воспитания сумел в灌ить будущему императору мысль о том, что необходимым условием для блага народа является просвещение. Именно Лагарпом была сформулирована главная задача правления Александра I, в которую тот глубоко верил: «Постепенно просветить свой народ, чтобы он сделался достойным оценить все блага гражданской свободы и наслаждаться бы ими без возможности ими злоупотреблять»³. В начале царствования молодой монарх неуклонно старался ее разрешить.

* Андреев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.